

должен был вытянуть Россию, потащить остальных к лучшей жизни. В этом величие Столыпина. Он не хотел потакать слабым, он не хотел им нравиться, он знал, что только через мощный слой крестьян-собственников можно провести политику будущей модернизации России. В этом его отличие от политиков антигосударственников. Им ложь — мед, лишь бы повести за собой массы. И такие в будущем нашлись, обманув миллионы бедняков, они ввергли Россию в разор, народ пустили под нож, Отчизну ввергли в смуту. Принципиально важны слова Столыпина в Думе о том, что правительство сделало «ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных», «нельзя убивать его (крестьянства) веру в свои силы, надежд на лучшее будущее, нельзя ставить преграды обогащению сильного для того, чтобы слабые разделили с ним его нищету».

Почему Столыпин отвергал потрясения? Ему нужно было время, чтобы утвердился именно крестьянин, а не гражданин, пропивающий землю. Да он и не называл крестьянином того, кто жил на земле, а работал на ней как отъявленный лодырь и пропойца. Столыпин знал, быстро укрепить крепкого крестьянина не удастся, поэтому-то государство и должно любой ценой создать мирные условия на 20 — 25 лет, когда «заживет деревня», образно говоря, перелопатит бедность, изгонит нужду, поможет действительно страждущим.

Вот как он говорил в одной из знаменитых речей: «Пробыв около десяти лет у дела земельного устройства, я пришел к убеждению, что в деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа. Разрешить этого вопроса нельзя, его надо разрешать. В западных государствах на это потребовались десятилетия. Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!»

Поэтому, выступая в ненавидящей его Думе, он с достоинством говорил: «Правительству желательно было бы изыскать ту почву, на которой возможна совместная работа, найти тот язык, который был бы нам одинаково понятен. Я отдаю себе отчет, что таким языком не может быть язык ненависти и злобы. Я им пользоваться не буду. Возвращаясь к законности, я должен заявить, что о каждом нарушении ее, о каждом случае, не соответствующем ей, правительство обязано будет громко заявлять: это его долг перед Думой и страной... В тех странах, где еще не выработаны определенные правовые нормы, центр тяжести, центр власти лежит не в установлениях, а в людях. Людям, господа, свойственно и ошибаться, и увлекаться, и злоупотреблять властью. Пусть эти злоупотребления будут разоблачаемы, пусть они будут судимы и осуждаемы. Но иначе должно правительство относиться к нападениям, ведущим к созданию настроения, в атмосфере которого должно готовиться открытое выступление; эти нападки рассчитаны на то, чтобы вызвать у правительства, у власти паралич воли и мысли. Все они сводятся к двум словам, обращенным к власти: «Руки вверх!». На эти два слова, господа, правительство с полным спокойствием, с сознанием своей правоты, может ответить только двумя словами: «Не запугаете»...».

Вот как откликнулась германская газета «Тэглихе Рандшау» на это выступление Столыпина: «... Без преувеличения можно сказать, что будущее России покоится на плечах г. Столыпина. Очень возможно, что он и есть тот герой-рыцарь, которого ждет царь для спасения России...».

И еще одно гениальное изречение Столыпина в отношении крестьянства: каждый должен стать «кузнецом своего счастья». Кузнецом, а не пролетарским болтуном. Труд кузнеца ох как тяжел, но и мастер и десятки подмастерьев — это люди, а не «беднота». Ее Столыпин тоже признавал, понимал, что это беда России, но, в отличие от других политиков, он отказывался от